
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 329.3

А. А. Андреев

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПАРТИИ ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Статья посвящена деятельности Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) со времени ее подпольной активности в советский период до 2015 г. На основании данных Центрального государственного архива Республики Таджикистан и материалов российской и таджикостанской периодики ставятся вопросы о принадлежности ПИВТ к исламистским религиозным организациям, о ее сугубо региональной ориентации, причинах стагнации в начале XXI в. и окончательном поражении и запрете на законную политическую деятельность в 2015 г. Библиогр. 32 назв.

Ключевые слова: Партия исламского возрождения Таджикистана, Республика Таджикистан, религиозный экстремизм, гражданская война в Таджикистане, политические процессы в постсоветской Средней Азии.

A. A. Andreev

RISE AND FALL OF THE ISLAMIC RENAISSANCE PARTY OF TAJIKISTAN

The article deals with the activities of the Islamic Renaissance Party of Tajikistan from its clandestine activities in the Soviet period up to 2015. The questions about its membership in Islamist religious organizations, its purely regional orientation and the reasons for stagnation at the beginning of the 21st century and the final defeat and a ban on legitimate political activities in 2015 are based on the data of the Central state archive of the Republic of Tajikistan and materials in Russian and Tajik periodicals. Refs 32.

Keywords: the Islamic Renaissance Party of Tajikistan, the republic of Tajikistan, Religious extremism, Civil war in Tajikistan, political processes in post-Soviet Central Asia.

Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) продемонстрировала один из первых относительно удачных на постсоветском пространстве примеров трансформации изначально религиозной организации в политическую партию. Пик ее активности выпал на трагические годы межгражданского вооруженного

Андреев Артем Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; gal7gas@yandex.ru

Andreev Artyom A. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; gal7gas@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

противостояния в Таджикистане, по результатам которого и при внешнем содействии создатели ПИВТ сумели добиться для нее статуса легитимной оппозиционной партии. Вероятно, это и было самым значимым их достижением как политического объединения. В дальнейшем начался период стагнации, завершившийся запретом ПИВТ. Будучи уникальной прежде всего по факту первенства и по своей значимости на тот момент в локальном и даже региональном плане, она нередко оказывалась в фокусе внимания не только публицистов, но и историков, политологов и других исследователей.

В трудах, посвященных данной организации, чаще всего присутствовали алармистские нотки, во многом производились мифы и клише относительно ПИВТ, требующие либо опровержения, либо дополнительного изучения. Первым из таких мифов была принадлежность или, как минимум, активное взаимодействие членов ПИВТ с представителями религиозно-политического движения в исламе — ваххабитами. По завершении межтаджикских переговоров, когда официальные власти заключили мирные соглашения с оппозицией, которую, по сути, тогда и представляла ПИВТ, по словам одного журналиста из популярного медиа-холдинга «Коммерсант», Таджикистан стал страной «победившего ваххабизма» [1, с. 33]. Конечно, подобная характеристика была крайне ангажированной и имела мало общего с реальностью. Но характеристика ПИВТ как сторонницы «идеи построения в Таджикистане исламского государства» была одной из самых распространенных [2, с. 288]. Гораздо ближе к реальности было определение «умеренные исламисты», предложенное И. Д. Звягельской [3, с. 85].

Второй популярный тезис заключался в том, что ПИВТ представляла интересы нескольких районов центральной части Таджикистана: Рашта и Тавильдары, население которых отличалось особой религиозностью в силу изолированности и сложившегося патриархального уклада. Ввиду этого обстоятельства сама ПИВТ позиционировалась как политическая партия одного клана, так называемого Тавильдаринского. И в целом сама гражданская война рассматривалась как противостояние клановых группировок [4, с. 149]. А. Халид пишет: «Таджикская ПИВ представляла собой альянс непризнанных мулл-реформаторов (муджаддидов) из района Гарма и Гиссара, программа которых четко ориентировалась на местное население» [5, с. 209]. Такое мнение в целом справедливо, но не учитывает ряд нюансов, касающихся отделений партии, активно действовавших и на юге, и на севере страны.

На примере ПИВТ в рамках нашей статьи мы попытаемся пересмотреть сложившиеся вышеуказанные мнения и проследить процесс становления и развития политического ислама в постсоветском Таджикистане до периода снижения популярности в обществе его адептов и последующего их положения вне закона.

Формированию ПИВТ способствовал ряд обстоятельств, без которых она, на наш взгляд, не могла бы сложиться даже как подпольный политический кружок сторонников распространения ислама в обществе, каким она и была изначально.

Во-первых, это результат комплексной религиозной политики СССР еще в 1940-е годы. Тогда, с одной стороны, были достигнуты значительные успехи антирелигиозного законодательства и представители населения, прежде всего городского, не демонстрировали открыто свою принадлежность исламской религии и активно участвовали в «строительстве коммунизма». С другой стороны, начался процесс легализации мусульман в советской Средней Азии и не только. Правитель-

ственными структурами производилась несвойственная для данной конфессии (ислам суннитского толка) ее институционализация. Было создано Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ), которое получило право на регистрацию религиозных учреждений: мечетей, медресе и мектебов. Немного позже началась и легализация исламского образования, опять же под строгим государственным контролем. Впоследствии часть созданного при И. Сталине САДУМ начнет свой путь к независимости в Таджикистане.

Во-вторых, постепенный выход Таджикистана из изоляции от крупнейших исламских религиозных центров. В 1950-е гг. под контролем Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР были легализованы паломнические поездки в Мекку. Однако состав участников хаджа длительное время согласовывался и тщательно проверялся, а стоимость его была довольно высока для того времени — 17 000 руб. [6, с. 89]. Такие меры способствовали тому, что хадж становился доступен только избранному кругу, в первую очередь представителям САДУМ и Духовного управления мусульман Европейской России и Сибири. Позднее стали проявлять желание совершить хадж представители партийной номенклатуры республик Средней Азии. Резонансным событием стала паломническая поездка в 1974 г. в Саудовскую Аравию бывшего первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана, директора Института востоковедения АН СССР Бободжана Гафурова.

В-третьих, активная подпольная деятельность носителей исламской идентичности — «потомков святых» и тех, кто причислял себя к суфиям. По мере расширения квот количества паломников увеличивалось и количество представителей категории «ходжи» [7, с. 526]. В период урбанизации 1970–1980-х годов они содействовали распространению так называемого «народного ислама» в крупных городах [8, p. 609].

Четвертое и одно из важнейших обстоятельств — это преобразования в ходе «перестройки», инициированные союзным руководством в лице М. С. Горбачева. Во второй половине 1980-х годов в рамках политики «свободы совести» отказались от дальнейших попыток противодействия религиозным организациям. На местном республиканском уровне, в том числе и в Таджикской ССР, власти вынуждены были содействовать «возрождению» ислама. Были и первые случаи возвращения верующим зданий мечетей и медресе. Поначалу это проходило под контролем и при содействии САДУМ, в дальнейшем приобретало более самостоятельный характер.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, почему «всесильные органы не смогли реально проконтролировать такие относительно многочисленные группы верующих, особенно “новой волны”, тех, кто явно вырос на идеях политического ислама» [9, с. 211], вероятно, можно сказать, что помимо бессилия советской пропаганды и отсутствия «духовной альтернативы» сыграло роль и содействие местных представителей номенклатуры процессам религиозного «возрождения».

Вышеуказанные обстоятельства подготовили почву для развития политизированных исламских организаций, которые к тому времени уже существовали на уровне подпольных кружков. Один из первых известных нам кружков появился в г. Курган-Тюбе в доме Ходжи Каландари Садриддина. В своем интервью он перечисляет первых диссидентов политического ислама в Таджикской ССР: это сам Ходжи Каландари Садриддин, Абдулло Саидов (будущий лидер объединенной таджикской оппозиции в период гражданской войны Саид Абдулло Нури), Одинабеки Абдусалом, Неъматулло Эшон и Кори Мухаммаджон Мухиддин [10].

Считается, что именно вышеуказанные лица стали первоосновой будущей исламской оппозиции. Мы не оспариваем момент первенства, поскольку их деятельность действительно предшествовала появлению таких оппозиционных движений, как «Растохез», «Лаъли Бадахшон» и др. Тем не менее, переход от религиозных дискуссий к политической пропаганде у маленького кружка из Курган-тюбе растянулся более чем на десять лет.

Отдельно следует дать краткую биографическую справку о выходе из этого кружка, будущем лидере политического ислама в республике Абдулло Саидове (Саид Абдулло Нури). Его биография показательна прежде всего тем, что он изначально не принадлежал к числу так называемых неофициальных потомственных представителей мусульманской идентичности. Скорее А. Саидов происходил из номенклатурной семьи. Он родился в 1947 г. в Тавильдаре. В 1953 г. его семья была направлена в Вахшскую долину в рамках программы переселения. Его отец Нуриддин Саидов был председателем колхоза и членом коммунистической партии, старший брат работал в местной ячейке коммунистической партии [11, р. 247].

Есть версия, что, еще будучи подростком, А. Саидов получил религиозное образование от своего отца. Сам он говорил о том, что «89 % своих знаний» он приобрел от неизвестного учителя по имени домулло Сиёмоддин. После обучения у него он покинул Вахшскую долину и стал учеником известного деятеля САДУМ в Душанбе Мавлави Хиндустони, у которого учился в течение трех лет [11, р. 247]. По завершении обучения в 1983 г. он и его соратники основали нелегальную организацию «Нахзати Исломии Джавонони Тоҷикистон» (Партия исламской молодежи Таджикистана). Практически сразу же ими была налажена партийная печать в виде газеты «Хакикати ислом» (Истинный ислам). На этом подпольном уровне, когда к участникам движения еще применялись меры административного характера, Нури все же удалось выстроить сетевую организацию, в которой были специализированные отделы: пропаганды («дават»), безопасности, финансов и образования.

«Перестроечные» союзные законы «Об отмене 6 статьи Конституции» и «О свободе совести и религиозных организациях» способствовали тому, что уже оформившиеся неофициально сторонники политического ислама получили легальный статус.

Согласно архивным данным, первый съезд Партии исламского возрождения Таджикистана состоялся 26 октября 1991 г. [12, л. 60 об.].

По данным таджикостанской периодики, государственную регистрацию партия получила 4 декабря 1991 г. как «общественно-политическая организация мусульман Республики Таджикистан». Устав организации, оригинал которого был подан в Министерство юстиции, содержал немало грамматических ошибок. Согласно пункту 1.1 устава, «Исламская Партия Возрождения Таджикистана являясь общественно-политической организацией мусульман республики Таджикистана, основывается на принципах Ислама, которые являются вера в единого бога (с маленькой буквы. — А. А.) и его посланником пророка Мухаммада» [12, л. 61].

Пункт 1.2 гласил, что ПИВТ — «партия парламентского типа». Далее в разделе 1 «Цель и стремления Исламской партии возрождения» были провозглашены намерения:

- «— духовное возрождение граждан республики,
- экономическая и политическая независимость республики,

— политическое и юридическое пробуждение граждан республики с целью реализации основ Ислама в жизнь мусульман республики».

После намерений шли задачи Партии:

- «— распространение и пропаганда Ислама среди народов республики доступными средствами,
- привлечение мусульман в экономической, политической и духовной жизни республики,
- соблюдение и осуществление требований Ислама в повседневной жизни каждого члена Исламской Партии Возрождения Таджикистана,
- создание молодежных организации».

Председателем действительно был выбран Мухаммадшариф Химматзода, его заместителями стали Д. Усмон и С. Гадоев [13].

Итак, главной целью ПИВТ, согласно уставу, было построение общества, основанного на «справедливости». Основная цель была сформулирована максимально толерантно для политической партии на религиозной основе — «свободное и независимое общество в котором каждый, вне зависимости от религиозной или национальной принадлежности, сможет жить и трудиться свободно». Дополнительно звучали заверения в поддержке многопартийной системы, свободной политической борьбы между партиями и развития связей со всеми демократическими силами как в республике, так и за ее пределами [11, р. 290].

Организационная структура партии, как было совершенно справедливо отмечено В.И. Бушковым и Д.В. Микульским, представляла собой «причудливое сочетание современных организационных принципов, восходящих к организационным основам КПСС, и реальных мировоззренческих и организационных установок традиционного среднеазиатского общества, которое обслуживает и на котором, собственно, и базируется ПИВТ» [14].

Согласно уставу, высшим органом власти ПИВТ являлся съезд, который должен был собираться не реже, чем раз в четыре года, и только в случае сбора двух третей участников он становился легитимным. Съезд избирал руководящий состав, председателя и его заместителей.

Членство в партии было подробно описано в одноименном разделе 2 устава партии: «членом Исламской Партии Возрождения Таджикистана может стать каждый мусульман/мусульманка который обратился в первичную организацию с заявлением

- достигший /достигшая/ 18 летнего возраста;
- выполняющий /выполняющая/ требования Ислама;
- признающий /признающая/ устав и программу Исламской Партии Возрождения Таджикистана и обещающий /обещающая/ что будет руководствоваться ими и усердствовать для воплощения в жизнь» [12, л. 61 об.].

Испытательный срок составлял от двух до шести месяцев. Помимо этого, для членства необходимо было иметь две рекомендации.

Руководству партии нельзя было нарушать законодательство республики, поэтому членство в партии было возможно с момента определенного советским законодательством «совершеннолетия», не по законам шариата. Внешние рекомендации и испытательный срок, вероятно, были заимствованы у коммунистической партии.

Согласно уставу, партия гарантировала «помощь и поддержку в случае нужды или незаконного преследования». В обязанности же членам партии вменялось:

- «— выполнять требования и предписания Ислама в своей личной и общественной жизни;
- осуществлять требования устава и программы Исламской Партии Возрождения Таджикистана;
- следовать нравственным нормам Ислама;
- усердствовать для повышения уровня своих религиозных знаний;
- сдавать членский взнос не менее двух /2/ рублей» [12, л. 62]. Местные отделения партии должны были предоставлять вышестоящим организациям в рамках ПИВТ 50 % своих доходов.

Электоральная база ПИВТ — проблема, требующая отдельного изучения. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в период острой фазы межгражданского противостояния В. И. Бушковым и Д. В. Миккульским. Авторы определили ее как «сельские зоны влияния ПИВТ», где жили «простые декхане, связанные традиционными отношениями — соседскими, земляческими и мюридскими — с представителями ишанских родов, возглавляющих те или иные подразделения ПИВТ». В небольших городах электорат ПИВТ уже составляли «горожане, занятые главным образом, традиционным ремеслом, торговлей, а также в сельском хозяйстве и местной промышленности» [14].

Поскольку ПИВТ долгое время была монополистом в деле развития политического ислама, ее влияние не ограничивалось городом Курган-Тюбе или западом и севером Хатлонской области, Раштским районом и т. д. Отдельные активисты (например, Курайшихон Ибрагимов) имели свои ячейки в Ленинабадской области. Тем не менее, действительно наибольшую поддержку ПИВТ имела в Тавильдаре и в Вахшской долине. Сам Нури объяснял это и тем, что люди из «Каратегина и Гарма с древних времен соревновались с людьми из других областей Мавераннахра, они были больше влюблены в Ислам, больше вовлечены в Ислам... И среди них было много ученых исламского права. С другой стороны, эти люди имели безграничное желание, стремление и любовь к Исламу — их дети поэтому получали прежде всего религиозное образование. Другая причина в том, что эти люди в результате упорного труда становились богаче» [11, р. 269].

В его словах можно увидеть один из распространенных не только в Средней Азии, но и на Ближнем Востоке нарративов превосходства, при апелляции к исламу, региональной, локальной и субэтнической общности. В подобных нарративах превозносится определенная субэтническая принадлежность как наиболее преданная исламу, в отличие от соседних.

Период легализации ПИВТ совпал и с ростом самостоятельности части САДУМ — казията республики, который в свою очередь провозгласил свою самостоятельность в 1993 г. Представителей бывшего казията, а позже муфтията республики активно участвовали в делах ПИВТ, что свидетельствовало об их достаточно тесных связях, об объединении сторонников политического ислама и крупнейших религиозных деятелей республики. Независимый от Ташкентского САДУМ казият усилил процессы реституции, что способствовало «возвращению» большого количества мечетей из небольших городов и крупных кишлаков в социально-политическую жизнь республики.

По мере усиления правительственного кризиса летом 1992 г. у оппонентов ПИВТ казият все больше ассоциировался с «демоисламистами».

События, связанные с развитием межгражданского вооруженного противостояния в постсоветском Таджикистане, выходят за рамки нашего очерка. Нас в большей степени интересует развитие политического ислама и роль его авангарда в этом процессе — ПИВТ. Комплексная по своему составу Объединенная таджикская оппозиция включала в себя представителей фундаменталистских кружков, исмаилитов ГБАО и сторонников демократического развития независимого Таджикистана. Наиболее организованной силой в этом альянсе самых разных религиозных и политических движений и группировок оказались сторонники и активисты ПИВТ и ряд наиболее удачливых полевых командиров, оппозиционных официальным властям.

В условиях сопротивления формальному «Центру» ислам и мусульманская идентичность, мусульманские религиозные практики и их защита становились политическим ресурсом. Отсутствие какой-либо четкой иерархии в таджикской оппозиции, в равной степени и идеала, и модели, по которой планировалось государственное строительство, в определенной степени являются этому доказательством. На первый план выходили экономические и социальные аспекты нарастающего межрегионального противостояния, поскольку часть регионов уже представляла официальную светскую власть, а остальным оставалось апеллировать к «исламской традиции» [15, р. 46].

Ориентация на защиту религиозных ценностей и последующую их инсталляцию в государственную политику позволила активистам из ПИВТ и солидарных с ними граждан республики заручиться вооруженной поддержкой бывших афганских моджахедов (преимущественно таджикского происхождения) и получить финансирование со стороны ряда мусульманских стран.

У представителей ПИВТ не было единства в отношении правильной модели или примера исламского государства. Внутри руководства велись споры относительно строя Исламской Республики Иран. Только часть идеологов Партии исламского возрождения Таджикистана испытывала антипатию в отношении шиитского Ирана. В частности, Акбар Турадзонзода на правах выразителя народного мнения заявлял о том, что большинство жителей республики не поддержит курс строительства исламской республики по иранскому образцу. Религиозный деятель маскировал суннитско-шиитские противоречия последствиями антирелигиозной политики советской власти [16, р. 100]. Оппонировал ему в этом Саид Абдулло Нури, восхищавшийся исламской революцией в Иране в 1979 г. и говоривший о том, что «подобное должно произойти и в других странах» [11, р. 258].

Подобное отсутствие единства наблюдалось и в отношении афганских попыток государственного строительства на основе шариата. В соседней стране в силу этнических, конфессиональных и региональных различий отдельные группировки моджахедов остро конкурировали между собой, используя религию как инструмент политической борьбы. Поэтому среди деятелей ПИВТ определенной популярностью пользовалось созданное в 1982 г. Исламское общество Афганистана — «Джамиат-е уль Исломи-е Афғонистон» (ИОА). Это была политическая организация моджахедов преимущественно таджикского этнического происхождения. Их основной целью было построение исламского государства «умеренного управле-

ния» [17, с. 26]. Лидером партии был этнический таджик с севера Афганистана Бурханутдин Раббани. У организации было свое боевое крыло — «Шурройи-и незор», представители которого участвовали в гражданской войне в Таджикистане. Им командовал популярный и широко известный герой таджиков Ахмад Шах Масуд.

С указанными группами конкурировала Исламская партия Афганистана — «Иттиход исломи Афғонистон» (ИПА). Она активно поддерживала интересы исламской оппозиции в Таджикистане, хотя в большей степени этнически была ориентирована на пуштунов и представляла интересы фундаменталистов юго-восточных провинций Афганистана (провинции Кабул, Баглан, Кунар, Лагман), а также юго-восточных пуштунских провинций [17, с. 29].

Подобная фрагментация афганского общества и серия гражданских конфликтов создавали негативный имидж страны, старательно следовавшей курсу политического ислама. Можно предположить, что представители оппозиции проводили параллели между своим противостоянием с официальными властями и борьбой крупнейших афганских группировок моджахедов против режима Наджибуллы, падение которого они приветствовали в апреле 1992 г. По мере эскалации конфликта и с появлением движения «Талибан» лидеры Объединенной таджикской оппозиции оказались в трудной ситуации.

С одной стороны, некоторые лидеры ОТО стали подчеркивать солидарность с талибами в отношении их курса на построение исламского эмирата Афганистан. С другой — этнические чистки, проводимые этим поначалу пуштунским националистическим движением в отношении таджиков и узбеков севера страны, вызывали протест у целого ряда «демоисламистов». Поэтому в отношении афганских талибов лидеры Объединенной таджикской оппозиции придерживались двойственной политики. Вероятно, считая неизбежным их приход к власти в Кабуле, они были вынуждены рассматривать перспективу развития отношений с талибами и признавать их как политическую силу.

После того как в результате наступления официальных властей представители ПИВТ были вынуждены покинуть пределы страны, состоялось учредительное собрание организации в Афганистане. Здесь произошла смена власти. Председателем был избран Саид Абдулло Нури.

23 декабря 1996 г. в Москве Э. Рахмонов и С. А. Нури подписали соглашение, согласно которому ряд оппозиционеров был включен в состав правительства Таджикистана, а пять тысяч человек из состава вооруженных формирований оппозиции должны были влиться в ряды правительственной армии. Такое же число бывших исламистов подлежало амнистии.

27 июня 1997 г. на девятой по счету встрече в Кремле между руководством Таджикистана и представителями объединенной оппозиции Таджикистана было подписано окончательное мирное соглашение. Президентом Таджикистана остался сторонник светского развития страны Э. Рахмонов, представители оппозиции получили места в правительстве республики и заняли ряд ключевых постов на производственных объектах.

На практике межнациональное согласие было относительным. К середине января 1998 г. представители ОТО сообщали в прессе, что правительство Э. Рахмонова не выполняет обязательства по мирному урегулированию [18]. В феврале 1998 г. представители ОТО стали включаться в официальный политический про-

цесс. Религиозный деятель Ходжиакбар Тураджонзода был назначен вице-премьером в реформируемом правительстве Таджикистана. На этой должности ему было поручено заниматься вопросами взаимодействия со странами СНГ.

Саид Абдулло Нури стал первым вице-премьером, а командующий вооруженными силами ОТО Мирзо Зиеев — главой МЧС. Бывшие боевики на определенное время влились в таджикскую армию, а полевым командирам были присвоены офицерские звания.

К концу гражданской войны объединенная таджикская оппозиция состояла уже не из «демоисламистов», а из сторонников исламской республики. Под давлением и в результате многочисленных раундов межтаджикских переговоров и после неудачных попыток захватить власть силовым путем сподвижники политического ислама осенью 1999 г. перешли к мирной политической борьбе. Они приветствовали референдум и возможные конституционные изменения, надеясь при помощи районов, где они имеют своих сторонников, получить места в парламенте.

Заключенный в 1997 г. мир был выгоден для оппозиции. Она получила 30 % мест в высших эшелонах власти и приобрела легальный статус [19, с. 382]. С этого момента внутривластная борьба между правительством Э.Рахмона и объединенной таджикской оппозицией приобретает скрытый характер. В течение последовавших после заключения мира десяти лет президент республики планомерно действовал с целью вытеснения представителей политического ислама из процесса национального строительства [20, р. 965]. По мере достижения в этом успехов началась политика полного контроля над религиозной жизнью.

С определенной долей условности мы можем разделить процесс скрытого противостояния, а по своей сути падения, ПИВТ на три периода, в рамках каждого из которых внешние и внутренние условия оказывали влияние на противоборствующие стороны.

Первый этап — 1997–2001 гг. В это время правительство Э.Рахмонова стремилось выполнять подписанные с объединенной таджикской оппозицией договоренности. Стране после тяжелых лет гражданской войны был нужен мир. В то же время процесс межтаджикского урегулирования проходил при участии многочисленных посредников-гарантов: Афганистана, Ирана, Пакистана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и России. Восстановление экономики страны напрямую зависело от некоторых из указанных стран, что тоже стимулировало следование договоренностям. В этот период происходит серьезный раскол в ПИВТ, негативно сказавшийся на ее дальнейшей политической деятельности. В рядах же бывших вооруженных сил оппозиции усиливается взаимное недопонимание между бывшими полевыми командирами.

Второй этап — 2001–2006 гг. Это период попыток конструктивного диалога и политической, а не военной борьбы за власть. Часть наиболее радикально настроенных полевых командиров Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) объявляется вне закона. Начинаются их преследования. В самой ПИВТ происходят значительные изменения. По мере утверждения ее в легальном поле партия все больше приобретает очертания современной политической организации и одновременно утрачивает набор «мировоззренческих и организационных установок традиционного общества». Период относительно мирного сосуществования закончился со смертью лидера ОТО Саида Абдулло Нури. На данном этапе обозна-

чился весомый внешнеполитический фактор. После теракта 11 сентября и начала международной операции в соседнем Афганистане «исламский фундаментализм» стремительно маргинализуется на международной арене. Его приверженцы, замеченные в проталибских настроениях, уже не могут рассчитывать на международную поддержку. Это заметно и по риторике представителей политического ислама в республике, однозначно поддержавших борьбу с международным терроризмом.

Третий этап — с 2006 по 2015 г. В течение этого времени были ликвидированы известные полевые командиры ОТО, получившие во второй половине 1990-х годов официальный статус. Одновременно правительство проводит политику секуляризации. Политический ислам и его сторонники все более теряют «в весе» общественной жизни Таджикистана. Принимаются законы с целью противодействия пропаганде и практикам политического ислама. В 2015 г. в связи с внешнеполитическими (борьба с запрещенной организацией ИГИЛ) и внутривнутриполитическими (выступление заместителя министра обороны Таджикистана Абдухалима Назарзода) событиями деятельность ПИВТ официально была запрещена. В настоящее время политический ислам полностью вытеснен из легальной общественной жизни. Вводятся меры по контролю со стороны государства и его силовых структур над религиозной жизнью в республике.

Рассмотрим каждый из этих трех периодов подробнее. 26 сентября 1999 г. в стране был проведен референдум по изменению Конституции. Было легализовано создание в стране общественно-политических организаций религиозного характера.

Легализованная ПИВТ не смогла продемонстрировать значительных успехов на выборах 2000 г. Партия оказалась третьей, уступив и «партии власти», и коммунистической партии. Незадолго до выборов ряды партии покинул бывший глава казаята республики Ходжа Акбар Турадджонзода. Он перешел на сторону пропрезидентских сил и призывал голосовать за Народно-демократическую партию. Несмотря на то что больших успехов сторонникам политического ислама достичь не удалось, они все же были вынуждены прекратить свою деятельность в составе Комиссии по национальному примирению.

В постконфликтный период в русле серьезного ослабления позиций ПИВТ нарушается и монополия этой партии на политический ислам. В стране начинает активно проявлять себя всемирно известная «Хизб ут-Тахрир». Представители этой транснациональной организации стали создавать ячейки на местном уровне, конкурируя с локальными отделениями ПИВТ [21].

Выгодные внешнеполитические и внутривнутриполитические обстоятельства — борьба международной коалиции с терроризмом в Афганистане, ликвидация части радикально настроенных по отношению к мирному процессу бывших полевых командиров и раскол в самом оппозиционном движении — позволили политическому руководству страны начать наступление на пошатнувшиеся позиции ПИВТ.

Эмомали Рахмонов 13 июля 2002 г., выступая на второй конференции Движения национального единства и возрождения Таджикистана, впервые после окончания гражданской войны начал обвинять ПИВТ «в пропаганде экстремизма», в том, что они, вопреки действующему законодательству, «занимаются идеологической обработкой людей в экстремистском духе, что может привести к расколу общества». Местами распространения радикальных идей были названы новые мечети.

В качестве примера Э. Рахмонов привел Исфаринский район, где на 200 000 человек приходится 192 мечети, что противоречит закону, согласно которому одна мечеть должна «окормлять» 15 000 человек. Нарушением был назван и тот факт, что семь имамов в мечетях являются членами ПИВТ [22].

Осенью 2003 г. заместитель председателя ПИВТ Шамсуддин Шамсудинов был обвинен в совершении 70 преступлений, ранее он курировал в партии вопросы культуры и религии [23].

В самой же партии на фоне репрессивных действий со стороны силовых структур не было единства. К лету 2004 г. все сильнее разгорался конфликт по вопросу руководства организацией. В июле был уволен главный редактор газеты ПИВТ, назвавший первого заместителя председателя Мухиддина Кабири руководителем. В интервью российскому журналисту бывший активный деятель руководства партии Тураджонзода нелестно отзывался о характере Саида Абдулло Нури. «У Нури характер такой: если с ним появляется кто-то чересчур активный, он его тут же зажимает». При этом в прессу просочились сведения о том, что бывший лидер ОТО тяжело болен раком. Мухиддин Кабири, наоборот, снискал довольно лестные отзывы. О нем говорили как о лидере «нового формата... который пытается сочетать религию и политику примерно так, как это делают христианские демократы Европы» [24].

Раскол и распад некогда ведущей организованной силы политического ислама привели к абсолютному поражению ПИВТ на выборах в нижнюю палату парламента республики в 2005 г. Изначально в выборах принимали участие шесть политических партий: пропрезидентская Народно-демократическая партия, Коммунистическая партия, ПИВТ, Социал-демократическая партия, Демократическая партия и Социалистическая партия. От ПИВТ баллотировалось 35 кандидатов. Предвыборная компания, по оценкам очевидцев, проходила в довольно апатичной обстановке.

По итогам выборов из 35 кандидатов от ПИВТ только двое получили депутатские мандаты. Представители ПИВТ отказались признавать результаты выборов. В том же году партия пережила еще один удар: в августе 2006 г. умер после продолжительной болезни Саид Абдулло Нури. Незадолго до его смерти в ПИВТ обозначился серьезный раскол. Одна группа, которую российская пресса объявила «прозападной», объединилась вокруг фигуры Мухиддина Кабири. Но новому лидеру не удалось мобилизовать значительную часть электората в поддержку своей партии. По результатам выборов в нижнюю палату парламента республики 28 февраля 2010 г. партия вновь получила только два места. Несмотря на то что ПИВТ заняла второе место, колоссальный разрыв с пропрезидентской НДПТ свидетельствовал об эфемерности этого успеха [25, с. 38].

В 2010–2015 гг. в парламенте было два депутата от ПИВТ: сам Мухиддин Кабири и Саидумар Хусайни.

Параллельно с вытеснением ПИВТ из политической жизни страны республиканские власти стремились усилить контроль над религиозной жизнью в стране. В 2009 г. при поддержке Народно-демократической партии Таджикистана был принят закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.03.2009 № 489. В 2011 г. он был отредактирован. В преамбуле закона № 739 28.06.2011 г. было обозначено, что «Таджикистан является светским госу-

дарством». Одновременно признавалась «особая роль ханафитского направления исламской религии в развитии национальной культуры и духовной жизни народа Таджикистана».

Принятием данного закона официальные власти республики лишили адептов политического ислама номинального статуса соучастников политических процессов республики, который они получили по результатам гражданской войны. Таджикистан стал светской республикой де-юре.

К моменту принятия закона в редакциях 2009 и 2011 гг., а также создания специального комитета по делам религии, Партия исламского возрождения Таджикистана была значительно ослаблена. Условий для независимой деятельности казията и самой партии, которые существовали в 1990-е годы, теперь не было. Принятый закон нанес сильнейший удар по выжившим в 2000-е годы низовым ячейкам партии.

В последующие годы для ПИВТ под руководством Мухиддина Кабири ислам как вероучение и важнейшая основа таджикской идентичности становится просто оправданием их политической деятельности. Новый лидер партии позиционировал себя уже больше как борец с коррупцией в республике. Оправдывая свой «прозападный» имидж, он часто в интервью призывал повысить «уровень демократии и индекс общечеловеческого развития» для понижения «уровня коррупции».

При нем меняется концепция информационной печати партии. Например, большая часть материалов газеты «Наҷот» (в переводе «спасение», «освобождение») за декабрь 2004 г. была посвящена внутривнутриполитической ситуации в стране, внешней политике республики. Уделялось большое внимание социальным проблемам. Немного меньше страниц издания за этот год посвящены исламу (в среднем примерно 4 из 16) [26–28]. Спустя восемь лет после того, как Мухиддин Кабири утвердился как лидер партии, социальные и внутривнутриполитические проблемы все меньше обозначались в официальных изданиях ПИВТ.

В частности, в первом номере журнала «Сафинаи Умед» («Парусник надежды») за 2012 г. можно прочесть статьи про нефтегазовый комплекс Ирана, таджиков в записках путешественников XIX — начала XX в., китайских мусульман, Сирийскую Арабскую Республику. Половина материалов посвящена роли отца в семье, священной книге Корану, стихам и здоровью. Завершает выпуск цитата из Вашингтона Ирвинга [29]. Материалы последующих выпусков журнала свидетельствуют о тенденции к снижению интереса к внутренним, социальным проблемам в регионах республики. Правда, нельзя не принимать во внимание и влияние на содержание «Парусника» органов государственной цензуры.

ПИВТ потеряла не только влияние в обществе, но и свою монополию на право представлять интересы политического ислама в стране. С 2010 по 2014 г. растет количество нелегальных экстремистских группировок. Так, по словам В. А. Абдухамитова, опиравшегося на данные статистики МВД Республики Таджикистан, в 2010 г. был зарегистрирован всего «1 факт организации экстремистского сообщества, в 2011 г. — 3, 2012 г. — 8, 2013 г. — 9, а в 2014 г. — 43» [30, с. 161]. Объясняется это не только слабостью ПИВТ, но и миграционными процессами. За пределами республики появилось больше возможностей познакомиться с запрещенной в Таджикистане экстремистской литературой. Наличие скоростного Интернета способствует стремительному распространению подобной информации. Причем

поскольку жизнь рабочих мигрантов регулируется в рамках их локальных сообществ, то радикальные концепции «заражают» группы, объединенные по «земляческо-родственному» принципу. Этим, на наш взгляд, объясняется рост группировок в количественном отношении. «Конкурентами» ПИВТ условно можно назвать следующие запрещенные Верховным судом республики организации: Исламское движение Туркестана (бывшее ИДУ), «Хизб ут-Тахрир», Салафия, Джамоати Таблиг, Джамаат Ансаруллох, движение «Талибан», «Братья мусульмане», «Армия Тойиба», «Исламская группа», «Исламское общество Пакистана», миссионерская религиозная организация «Сообщество Таблиг», миссионерская религиозная организация «Свободный Таджикистан» [30, с. 161].

Все указанные организации считают себя оппозицией и по отношению к правительству республики, и к ПИВТ. Интерес представляет и полемика с представителями запрещенной в Таджикистане организации Салафия. По мнению Г. А. Рудова, члены ПИВТ покидали партию и вливались в ряды новой организации Салафия [31, с. 63]. Вероятно, подобное имело место, но масштабы нам неизвестны.

В 2013 г. с возникновением организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ДАИШ, или ИГИЛ, запрещенная в Российской Федерации организация) обозначается новый «центр притяжения», к которому стали стремиться и экстремисты в Таджикистане. ДАИШ становится значительным фактором во внутривнутриполитической жизни Таджикистана.

В мае 2015 г. в соцсетях стал распространяться видеоролик, в котором пропавший в феврале того же года бывший командир ОМОНа МВД Таджикистана Г. Халимов объявил о том, что уже месяц воюет в Сирии на стороне ДАИШ. В этом видео он призывал соотечественников, в какой бы стране они ни находились, присоединиться к нему, в том числе и для борьбы с режимом Э. Рахмона.

4 сентября неизвестными было совершено нападение на центральный аппарат Министерства обороны в Душанбе и отделение внутренних дел города Вахдат. Силowymi структурами республики оно было расценено как попытка государственного переворота. В подготовке и организации переворота был обвинен заместитель министра обороны Таджикистана Абдухалим Назарзода. По сведениям прессы, в период гражданской войны он воевал на стороне ОТО.

После ликвидации группы генерала Назарзода начались аресты подозреваемых в соучастии, среди них оказалось 25 членов ПИВТ. В сентябре 2015 г. ПИВТ вновь переходит на нелегальное положение в республике. Лидер партии еще с марта 2015 г. находился за рубежом. Власти Таджикистана объявили его в розыск через «Интерпол». Были арестованы по уголовным статьям практически все представители руководства ПИВТ. К январю 2016 г. было раскрыто 835 преступлений, по которым выявлены и привлечены к уголовной ответственности 247 человек [32]. Таким образом, соглашение между властью и оппозицией от 1997 г. было денонсировано спустя 18 лет.

ПИВТ, пережив период своего расцвета в 1990-е годы, не смогла на волне своей популярности выйти за пределы своего региона, стать в полной мере общереспубликанской оппозиционной партией. Получив временный официальный статус, но находясь в состоянии внутренних конфликтов относительно партийной иерархии, ПИВТ быстро теряла популярность. После потери силовой поддержки со стороны полевых командиров районов Рашта и Тавильдары и со смертью Саида

Абдулло Нури ПИВТ уже не представляла серьезной конкуренции для правящей элиты. Тем не менее, на нее продолжали оказывать давление, пользуясь благоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, до полного запрета партии в 2015 г.

Литература

1. Ткачев И. Страна победившего ваххабизма // Коммерсант. Власть. 1999. № 15. С. 33–37.
2. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.
3. Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. 208 с.
4. Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Ин-Октаво, 2005. 272 с.
5. Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.
6. Ахмадуллин В. А. Хадж советских мусульман в 1953–1955 гг. // Армия и общество. 2013. № 3 (35). С. 88–92.
7. Абашинов С. Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
8. Atkin M. The survival of Islam in Soviet Tajikistan // The Middle East journal. Washington, 1989. Vol. 43. P. 605–618.
9. Россия — Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX — начале XXI в. М.: ЛЕНАНД, 2011. 368 с.
10. 40 соли ХНИТ: Аз як гурӯи гурӯҳи пинҳонкор то хизби соҳиби ҷой дар парлумон // Сомонаи иттилоотии Рӯзгор. URL: <http://ruzgor.tj/siyosat/9590-40-soli-hnit-az-yak-guruhi-pinhonkor-to-hizbi-sohibi-jo-dar-parlumon.html> (дата обращения: 10.10.2016).
11. Nourzhanov K., Bleuer K. Tajikistan: a political and social history. Canberra: ANU E Press, 2013. 404 p.
12. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. Р-297. Оп. 40. Д. 1050.
13. Хасанов К. Как это было: Истина о регистрации устава Исламской партии возрождения // Народная газета. Душанбе, 27.04.2003.
14. Бушков В. И., Микульский Д. В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба 1992–1995 гг.). М., 1996. URL: http://www.ca-c.org/datarus/st_08_bush_11.shtml (дата обращения: 09.07.2016).
15. Foroughi P. Tajikistan: Nationalism, Ethnicity, Conflict and Socio-economic disparities — Sources and Solutions // Journal of Muslim Minority Affairs. 2002. Vol. 22. P. 39–61.
16. Atkin M. Tajikistan's Relations with Iran and Afghanistan // The New geopolitics of Central Asia / ed. by Ali Banuazizi and Myron Weiner. Indiana University Press, 1994. P. 91–118.
17. Князев А. История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек, 2002. 136 с.
18. Коммерсант. 07.02.2001.
19. Абашинов С. Н. Исламский вызов идее нации? Некоторые соображения на примере Центральной Азии // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интер-социс, 2015. С. 375–388.
20. Nozimova Sh., Epkenhans T. Negotiating Islam in Emerging Public Spheres in Contemporary Tajikistan // Asiatische Studien / Etudes Asiatiques. 2013. Vol. LXVII, N 3. P. 965–991.
21. Хизбитская сила // Власть. 25.07.2000.
22. Глумсков Д. Президент Таджикистана обвинил ислам в воздержании // Коммерсант. 15.07.2002.
23. Глумсков Д. Таджикскому оппозиционеру насчитали 70 преступлений // Коммерсант. 09.10.2003.
24. Среднеазиатская полудемократия // Власть. 19.07.2004.
25. Республика Таджикистан. Парламентские выборы. 28 февраля 2010 г. Миссия по наблюдению за выборами ОБСЕ/БДИПЧ. Итоговый отчет. Варшава, 2010. 42 с.
26. Начот. 16.12.2004.
27. Начот. 09.12.2004.

28. Наҷот. 02.12.2004.

29. Сафинаи Умед. 01.01.2012.

30. Абдухамитов В. А. Экстремистские течения в религии, как фактор возникновения и создания экстремистских организаций в Республике Таджикистан // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2015. № 3. С. 160–164.

31. Рудов Г. А. Ислам в Центральной Азии: масштабы и перспективы влияния // Обозреватель-observer. 2014. № 6. С. 57–66.

32. Более 200 подозреваемых к попытке переворота задержаны в Таджикистане // Коммерсант. 25.01.2016.

Для цитирования: Андреев А. А. Взлет и падение партии исламского возрождения в Таджикистане // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 98–113. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.201

References

1. Tkachev I. Strana pobedivshogo vakhkhabizma [The country of the victorious Wahhabism]. *Kommersant. Vlast'*, 1999, no 15, pp. 33–37. (In Russian)
2. *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii: Sobytiia i dokumenty [International relations in Central Asia: events and documents]*. Ed. by A. D. Bogaturov. Moscow, Aspekt Press, 2011. 549 p. (In Russian)
3. Zviagel'skaia I. D. *Stanovlenie gosudarstv Tsentral'noi Azii: Politicheskie protsessy [The Emergence of States in Central Asia: Political Processes]*. Moscow, Aspekt Press, 2009. 208 p. (In Russian)
4. Todua Z. *Ekspanziia islamistov na Kavkaze i v Tsentral'noi Azii [The expansion of Islamists in the Caucasus and Central Asia]*. Moscow, In-Oktavo Publ., 2005. 272 p. (In Russian)
5. Khalid A. *Islam posle kommunizma: Religiiia i politika v Tsentral'noi Azii [Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 304 p. (In Russian)
6. Akhmadullin V. A. *Khadzh sovetskikh musul'man v 1953–1955 gg. [Hajj of Soviet Muslims in 1953–1955]. Armiia i obshchestvo*, 2013, no. 3 (35), pp. 88–92. (In Russian)
7. Abashin S. N. *Sovetskii kishlak. Mezhdunarodniizm i modernizatsiei [The Soviet kishlak: between colonialism and modernization]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 720 p. (In Russian)
8. Atkin M. The survival of Islam in Soviet Tajikistan. *The Middle East journal*. Washington, 1989, vol. 43, pp. 605–618.
9. *Rossiiia — Sredniaia Aziiia [Russia — Central Asia]*. Vol.2. Politika i islam v XX — nachale XXI vv. [Politics and Islam in the XX — early XXI century]. Moscow, LENAND Publ., 2011. 368 p. (In Russian)
10. 40 soli KhNIT: Az iak gurū gurūxi pinxonkor to xizbi soxibi choi dar parlamon [40 years of IRPT: from one underground group to the parliamentary party]. *Somonai ittuloitii Ruzgor*. Available at: <http://ruzgor.tj/siyosat/9590-40-soli-hnit-az-yak-guruhi-pinhonkor-to-hizbi-sohibi-jo-dar-parlumon.html> (accessed: 10.10.2016).
11. Nourzhanov K., Bleuer K. *Tajikistan: a political and social history*. Canberra, ANU E Press, 2013. 404 p.
12. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tadjikistan (TsGART) [Central State Archives of the Republic of Tajikistan]*. F. R-297. Op. 40. D. 1050.
13. Khasanov K. Kak eto bylo: Istina o registratsii ustava Islamskoi partii vozrozhdeniia [How it was: the truth about registering the charter of the Islamic Party of the Renaissance of Tajikistan]. *Narodnaia gazeta*. Dushanbe, 27.04.2003. (In Russian)
14. Bushkov V. I., Mikul'skii D. V. *Anatomiia grazhdanskoi voiny v Tadjikistane (etnosotsial'nye protsessy i politicheskaia bor'ba 1992–1995 g.) [Anatomy of the Civil War in Tajikistan (ethnosocial processes and political struggle 1992–1995)]*. Moscow, 1996. Available at: http://www.ca-c.org/datarus/st_08_bush_11.shtml (accessed: 09.07.2016). (In Russian)
15. Foroughi P. Tajikistan: Nationalism, Ethnicity, Conflict and Socio-economic disparities — Sources and Solutions. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 2002, vol. 22, pp. 39–61.
16. Atkin M. Tajikistan's Relations with Iran and Afghanistan. *The New geopolitics of Central Asia*. Ed. by Ali Banuazizi, Myron Weiner. Indiana University Press, 1994, pp. 91–118.
17. Kniazev A. *Istoriia Afganskoi voiny 1990-kh gg. i prevrashchenie Afganistana v istochnik ugroz dlia Tsentral'noi Azii [The history of the Afghan war in the 1990s. And the transformation of Afghanistan into a source of threats to Central Asia]*. Bishkek, 2002. 136 p. (In Russian)
18. *Kommersant*. 07.02.2001. (In Russian)

19. Abashin S. N. Islamskii vyzov idee natsii? Nekotorye soobrazheniia na primere Tsentral'noi Azii [Islamic challenge to the idea of the nation? Some considerations on the example of Central Asia]. *Transgranichnye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu* [Transboundary challenges to the national state]. St. Petersburg, Inter-sotsis Publ., 2015, pp. 375–388. (In Russian)
20. Nozimova Sh., Epkenhans T. Negotiating Islam in Emerging Public Spheres in Contemporary Tajikistan. *Asiatische Studien / Etudes Asiatiques*, 2013, vol. LXVII, no. 3, pp. 965–991.
21. Khizbitskaia sila [«Hizbitskaya» power]. *Vlast'*, 25.07.2000. (In Russian)
22. Glumskov D. Prezident Tadzhikestana obvinil islam v vozderzhanii [President of Tajikistan accused Islam of abstinence]. *Kommersant*, 15.07.2002. (In Russian)
23. Glumskov D. Tadzhikskomu oppozitsioneru naschitali 70 prestuplenii [To Tajik opposition counted 70 crimes]. *Kommersant*, 9.10.2003. (In Russian)
24. Sredneaziatskaia poludemokratiia [Central Asian Semidemocracy]. *Vlast'*, 19.07.2004. (In Russian)
25. *Respublika Tadzhikestana. Parlamentskie vybory. 28 fevralia 2010. Missiia po nabliudeniuiu za vyborami OBSE/BDIPCh. Itogovi otchet* [The Republic of Tajikistan. Parliamentary elections. February 28, 2010. OSCE/ODIHR Election Observation Mission. Final Report]. Varshava, 2010. 42 p.
26. *Naçot*, 16.12.2004.
27. *Naçot*, 09.12.2004.
28. *Naçot*, 2.12.2004.
29. *Safinai Umed*, 1.01.2012.
30. Abdukhamitov V. A. Ekstremistskie techeniia v religii, kak faktor vozniknoveniia i sozdaniia ekstremistskikh organizatsii v Respublike Tadzhikestana [Extremist currents in religion as a factor in the emergence and creation of extremist organizations in the Republic of Tajikistan]. *Novaia nauka: Problemy i perspektivy*, 2015, no. 3, pp. 160–164. (In Russian)
31. Rudov G. A. Islam v Tsentral'noi Azii: masshtaby i perspektivy vliianiia [Islam in Central Asia: Scale and Prospects of Influence]. *Obozrevatel'-observer*, 2014, no. 6, pp. 57–66. (In Russian)
32. Bolee 200 podozrevaemykh k popytke perevorota zaderzhany v Tadzhikestane [More than 200 suspected of attempted coup detained in Tajikistan]. *Kommersant*, 25.01.2016. (In Russian)

For citation: Andreev A. A. Rise and fall of the Islamic Renaissance party of Tajikistan. *Vestnik SPbSU. Political science. International relations*, 2017, vol. 10, issue 2, pp. 98–113.
DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.201

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2017 г.

Статья рекомендована в печать 20 марта 2017 г.